

УДК 821.111
ББК 83.3 (4 Вел)

Е.О. Маницкая

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
КЛЮЧЕВЫХ МИФОЛОГЕМ
АРТУРИАНЫ
В ЦИКЛЕ РОМАНОВ
МЭРИ СТЮАРТ**

Статья посвящена вопросу бытования мифологем в современных текстах. На примере цикла романов о короле Артуре авторства Мэри Стюарт, написанных в XX в., рассматриваются способы и причины трансформации основных для Артурианы мифологем (Экскалибур, Святой Грааль, Круглый Стол) в авторской интерпретации мифологического сюжета.

Ключевые слова: *Артуриана, мифологемы, неомифологизм, Мэри Стюарт.*

Маницкая Екатерина Олеговна – аспирант кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-195-56-54
E-mail: manic_scrupt@mail.ru

© Маницкая Е.О., 2015.

В мировой литературе XX в. существует тенденция к созданию авторских интерпретаций мифа, генерируемых с помощью сознательного использования авторами различных мифологем. В нашем случае под «мифологемой» мы подразумеваем понятие, предложенное впервые К.Г. Юнгом: это мифологический материал, который служит опознавательным знаком для известного мифа и почвой для создания новых мифологических сюжетов.

Специфика романов Мэри Стюарт требует обращения к мифологемам, являющимся основополагающими для Артурианы. В первую очередь это Экскалибур, Святой Грааль и Круглый Стол. На основании того, как автор вводит эти мифологемы в свое повествование, можно проанализировать способы создания неомифологического текста. Актуальность данной темы объясняется повсеместным интересом исследователей литературы к явлению неомифологизма.

Сюжет романов М. Стюарт разворачивается согласно принципам мифологического повествования: есть четкая проблема, заключающаяся в необходимости политического и религиозного объединения Британского королевства. Этой проблемой обозначены границы сцены разворачивающегося действия, за пределы которого выходит только один персонаж – Мерлин. Он отправляется на Восток; в мифологическом сознании это направление связано с позитивными изменениями. Там он находит потенциальные истоки величия будущего Британского королев-

ства – наследие Римской империи, а именно меч римского императора и полководца Максена (Максима), и вместе с ним – Святой Грааль и наконечник копья.

Если предположить, что Святой Грааль – это чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа, а наконечник копья соотносится с копьем Лонгина, которое римский воин вонзил Христу под ребра, то эти артефакты хранятся в одном месте неслучайно. Перенос этих предметов в пространство Британского королевства в таком случае знаменует приход не только нового короля, но и новой веры.

Автор использует возможность сослаться на «Англосаксонскую хронику», где существует запись, датируемая V в., о том, что *«римляне собрали сокровища, что были в Британии, и сокрыли в земле от чужих глаз, а часть забрали с собой в Галлию»* [Полые холмы, с. 390]. Обращение к историческим документам и реалиям в данном произведении зачастую используется для превращения мифологического повествования в псевдоисторическое.

Дальнейшее бытование в тексте предметов-мифологем изменяет их символическое значение, выводя их из области сакрального в область реального путем косвенных доказательств их историчности. Тем не менее, меч Экскалибур (в романах Стюарт «Калибурн») становится сосредоточием фантастического в произведении.

У М.Стюарт меч был добыт трижды, и в первый раз – самим Мерлином, который находится в поисках символа власти для Артура. В данном тексте тройственный повтор, характерный для мифологического сознания, возникает тогда, когда задача создать псевдоисторический фон отходит на задний план, и появляется необходимость вывести читателя на сакральный пласт повествования.

Несмотря на то что Мерлину дана возможность найти меч, он понимает, что владеть им не может: *«Сто лет назад они спрятали его здесь, те, кто вернулся из Римского похода. И теперь он сверкал у меня в руках, такой же блестящий, грозный и прекрасный, как в тот день, когда был выкован. И не диво, подумалось мне, что за эти сто лет он превратился в легенду.<...>Я чувствовал, как из меча мне в ладони вливается сила, словно я держу их в воде, куда ударила молния. «Кто достанет тот меч из-под камня, и есть король всей Британии по праву рождения...» <...> Этот меч – не для меня. Ему придется подождать»* [Полые холмы, с.122].

Мерлин переносит меч в часовню посреди озера, и там его позже находит юный Артур, который попадает туда во время охоты на белого оленя (белый олень в мифах зачастую исполняет роль волшебного проводника, указывающего путь между миром волшебным и миром действительным). Однако после этого Мерлин снова прячет меч, потому что час его еще не настал: *«Я спрятал меч <...> до того срока, пока мальчик не вырастет и не сможет его поднять, чтобы разбить и изгнать врагов королевства, как за сто лет до него это сделал сам император Максим»* [Последнее волшебство, с. 6].

Окончательно Артур получает меч уже после смерти Утера, и Калибурн становится доказательством того, что Артур – богоизбранный король.

Трижды обретенный, меч здесь становится символом не только военной мощи, призванной объединить разрозненное королевство, но и символом новой веры, которая послужит этой же задаче. Недаром алтари старых богов повержены и среди них сохраняется только новый алтарь, прошедший через очищающий огонь: *«И из этого нездешнего огня, к ужасу и восхищению всех, кто при сем присутствовал, Артур извлек и поднял Максимов меч. А потом, когда молодой король со своими лордами и военачальниками уехал, я был свидетелем того, как молния, ниспосланная свыше, испепелила в часовне все, что считалось в ней свято, оставив только алтарь, отныне посвященный одному лишь новому богу»* [Последнее волшебство, с. 6].

Другой неотъемлемой составляющей Артурианы является легенда о Святом Граале. Эта легенда представляет собой синтез христианских и мифологических мотивов. С одной стороны, она восходит к языческим мифам, повествующим о чудесном неиссякаемом котле (сосуде) плодородия и благ. С другой стороны, имея только языческие источники, легенда о Святом Граале не смогла бы оказать такого заметного влияния на мировую культуру. «Кельтская мифология» дает нам следующий анализ источников этой мифологемы: «В более поздних романах Св. Грааль являет собой священную христианскую реликвию, обладающую чудодейственными свойствами. В «Смерти Артура» рассказывается о том, что в ней возлежал Пасхальный Агнец, съеденный Господом и апостолами на Тайной вечере, а после крестной смерти Иисуса Христа его тайный ученик, Иосиф Аримафейский, собрал в Святой Грааль капли крови Спасителя. Но прежде чем быть отождествленным с этим преданием, древний миф рассказывал о магическом котле, присутствующем во всех ответвлениях кельтской мифологии» [Кельтская мифология, с. 166].

Грааль несет в себе идейное воплощение духовного начала. С его достижением придет век гармонии человеческого мира, сам он воплощает результат духовных исканий человечества. Путь к нему долог и тернист, а тот, кто идет по этому пути, становится избранным. А. Мортон в предисловии к «Смерти Артура» Т. Мэлори предлагает такое объяснение выдвижения мотивов о поисках Грааля на центральное место легенды: «В эпоху разложения феодализма развитие артуровского цикла вступило в свою новую фазу. Поиски Святого Грааля заняли в нем центральное место, в то время как мирские подвиги и могущество рыцарства все более обесценивались, – в эпоху, когда они теряли свое реальное жизненное значение, естественно, возникало чувство, что они утрачивают и благословение свыше. По мере того, как понятие рыцарства становилось пустым звуком, артуровский цикл и рыцарский роман в целом утрачивали связь с действительностью и приобретали все более религиозный и фантастический характер» [Мортон, с. 786].

У Мэлори Грааль становится последней попыткой рыцарства спасти мир от разрушения, но недостижимый Грааль ускользает, так как мир, в который он должен быть привнесен, не совершенен. У М. Стюарт Грааль лишь косвенно задействован в сюжете, при этом вокруг него создается мистический ореол. Первым Грааль находит Мерлин, что вряд ли допустимо в классическом мифе, где Грааль становится символом христианской веры; Мерлин же воплощает язычество. Однако автор передает Мерлину все полномочия по управлению судьбой молодого короля, в том числе и возможность обозначить его права на власть особыми символами. Из этих символов Мерлин выбирает меч, а не чашу, и на то есть причины.

В цикле романов М. Стюарт Грааль становится воплощением не истины, а, напротив, некоей ложной удовлетворенности, в необходимости поиска которой у Артура нет, потому что его ждет другой путь. Ни сам Мерлин, ни Артур не тяготеют к тому, чтобы овладеть реликвией. И поэтому Мерлин заранее предвидит, что Грааль станет целью для другого персонажа, в то время как Артур будет вознагражден мечом: *«Я видел процветающую страну<...> как в старые римские времена. Я видел меч, праздный и скучающий, и долгие дни мира, сменившиеся постепенно днями драк и раздоров, и нужду в подвиге для праздных мечей и несытого духа. Вот зачем, наверное, бог отнял у меня Грааль и копье и спрятал под землю – чтобы в один прекрасный день ты мог отправиться на розыски остальных сокровищ Максена. То есть нет, не ты, а Бедуир... это его дух, а не твой, возалчет и возжаждет и устремится за утолением к ложным источникам»* [Полые холмы, с. 163].

Причиной, по которой Бедуир будет вынужден отправиться в странствия на поиски Святого Грааля, у М. Стюарт становится Гвенивера. Королева – истинный символ права Артура на королевство, Грааль же – символ ложный, служащий «призраком» этой власти. Бедуиру суждено вечно скитаться в надежде обрести то, что никогда не будет ему принадлежать: *«Я снова видел их вдвоем. Бедуир, смуглый, горячий, влюбленными глазами глядящий на другого; и Артур – Эмрис, в двенадцать лет уже командир, весь – пыл и высокий огонь жизни. Белая тень совы пролетела между ними, гвенхвивар, тень страсти и горя, высокого стремления и рыцарского странствия, которое увело Бедуира в мир призраков и оставило Артура одиноко дожидаться в лучах славы, когда придет срок самому ему стать легендой, святым Граалем»* [Последнее волшебство, с. 122].

Таким образом, символическое значение одной из сюжетобразующих мифологем Артурианы трансформируется в персонификацию молодого короля.

Круглый Стол, являясь неотъемлемой частью мифа об Артуре, играет в романах Стюарт куда меньшую роль, чем Эскалибур и Грааль. Как по версии французских источников, так и по версии Т. Мэлори, Круглый Стол был подарен Артуру отцом Гвиневеры. Вмещал он, по преданию, сто пятьдесят самых доблестных в королевстве рыцарей, и над каждым местом силами Мерлина было обозначено имя сидевшего. У М. Стюарт

Круглый Стол – это Круглый дом для политических совещаний приближенных к царю людей. Этот образ воссоздан благодаря археологическим исследованиям, в которых появилось предположение, что именно такой Круглый Стол подразумевался в легендах об Артуре: *«Зал совета был сооружен по образцу небольших строений, виденных Артуром в Уэльсе, где он гостил у отца Гвиневеры. А те в свою очередь представляли собой увеличенную версию кельтского круглого дома из прутьев, обмазанных глиной. Вот откуда возникло в Камелоте массивное каменное здание круглой формы, построенное на века»* [Последнее волшебство, с. 150]. В этом случае Артур тоже принимает Круглый Стол от отца невесты, но не в качестве подарка, а в качестве образца культуры.

Закон равенства в итоге объясняется тем, что кресло Артура ничем не отличается от сидений прочих рыцарей: *«Все кресла, включая Артурово, были одной высоты. Здесь, объявил Артур, Верховный король будет как равный с равными обсуждать дела со своими пэрами, сюда смогут обращаться все его военачальники»* [Последнее волшебство, с. 150].

Волшебные надписи над сидениями сменились геральдическими щитами, прибитыми над местами рыцарей: *«Кресло Артура отличал только висящий над ним белый щит, на котором, быть может, со временем заблестит золотисто-алый дракон. Над другими креслами тоже уже появились гербы Артуровых рыцарей»* [Последнее волшебство, с. 150].

Благодаря такому толкованию мифологемы Круглого Стола становится возможным рационально объяснить, как может стол вместить такое количество рыцарей, и как логически здесь возможно разрешить закон равенства, который был основной задачей Круглого Стола.

В применении этой мифологемы М. Стюарт сохраняет баланс между мифом и исторически возможными реалиями. С другой стороны, Круглый Стол, как и вышеназванные мифологемы, в первую очередь, является символом. В отличие от мифа, символ не создает картины мира и ничего не объясняет; скорее, он является комплексом представлений, связанных с тем или иным понятием. А.Ф.Лосев пишет, что «он в скрытой форме содержит в себе все вообще возможные проявления вещи» [Лосев, с. 17]. Идею, которую несет Круглый Стол, характеризует А. Мортон в своем предисловии к «Смерти Артура»: «Идея Круглого Стола поздней Артурианы, по существу, воплотила традицию личной преданности вассала своему сюзерену эпохи феодализма, которая была скрепляющим звеном всего феодального общества. В ней воплощалось также одно из противоречий этого общества – король постоянно искал способ вознаградить своих воинов и тем самым сохранить их преданность, не превращая их в феодальных лордов, чьи владения внушали бы им иллюзию независимости и диктовали интересы, расходившиеся с его собственными» [Мортон, с. 776].

Одна из основных тем средневековой литературы – неразрешимый конфликт, ведущий к сложному сплетению преданности и предательства, который стал в итоге одной из причин прекращения существования феодального общества. Круглый Стол по своей сути стал попыткой раз-

решить противоречие, возникшее в феодально-вассальных отношениях. Тем не менее, задачей Стюарт была не характеристика феодальных отношений той эпохи, а попытка идеализировать подъем (а не уничтожение) Британского королевства с опорой на исторические факты. Именно поэтому ее Круглый Стол теряет изначальное чисто символическое значение и историзируется.

Работа М.Стюарт с основными мифологемами Артурианы усложняет повествование в двух направлениях. С одной стороны, как и прочие детали повествования, они подвергаются историзации и даже будучи наделенными сакральным смыслом перестают быть исключительно символом и приближаются к реальной вещи, лишь носящей символически-сакральное значение. С другой стороны, автор наделяет эти мифологемы новым мифологическим значением, заставляя их работать на общую концепцию цикла – объединение страны под эгидой совершенного правителя.

Литература и источники

- Кельтская мифология: энциклопедия. М.: Эксмо, 2002.
Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Port-Royal, 1996.
Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
Мортон А. Артуровский цикл и развитие феодального общества // Томас Мэлори. Смерть Артура. М., 1974.
Стюарт М. Полые холмы // *Стюарт М.* Хрустальный грот. Полые холмы. М.: АСТ, 2001.
Стюарт М. Последнее волшебство. М.: АСТ, 2001.
Стюарт М. Хрустальный грот // *Стюарт М.* Хрустальный грот. Полые холмы. М.: АСТ, 2001.
Meredith L. R. Word Choice and Word Concentration in Malory's Works. L., 2007.

References

- Kel'tskaya mifologiya: Entsiklopediya. M.: Eksmo, 2002.
 Keren'i K., Yung K.G. Vvedenie v sushchnost' mifologii // Yung K. G. Dusha i mif: shest' arkhetipov. Kiev: Port-Royal, 1996.
 Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M., 1976.
 Morton A. Arturovskii tsikl i razvitie feodal'nogo obshchestva / / Tomas Melori, Smert' Artura. M., 1974.
 Styuart M. Polye kholmy // Styuart M. Khrustal'nyi grot. Polye kholmy. M.: AST, 2001.
 Styuart M. Poslednee volshebstvo. M.: AST, 2001.
 Styuart M. Khrustal'nyi grot // Styuart M. Khrustal'nyi grot. Po-lye kholmy. M.: AST, 2001.
 Meredith L. R. Word Choice and Word Concentration in Malory's Works. L., 2007.

Manitskaya E.O. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Interpretation of the key mythologems of Arthur legends within the novel series by Mary Stewart

The article is devoted to the existence of myths in modern texts. As an example it was selected a series of novels about Merlin and King Arthur by British writer Mary Stewart, written in the twentieth century. In this novels, the author resorts to key mythologem of Arthurian myth, such as the sword Excalibur, the Holy Grail and the Round Table, turning them into symbols of pseudo-realities. Due to this the Sword and the Grail become Roman artifacts that Merlin is to give Arthur as real symbols of the power of predestination.

Excalibur in this case becomes a symbol of the reunification of the country on both the political and the religious aspect. Grail turns into an object of false pursuit, because the role he must fulfill is given to Arthur. Roundtable loses its symbolic meaning: the author finds a historical explanation for this mythologeme and assigns a place in the Round Knights of Arthur's house, which is really able to accommodate more than a hundred people at once.

Thus, each of the myths in the text is not just a myth intended to make the myth-source recognizable, but also performs new functions ascribed by the author.

Key words: *Arthur legends, mythologems, neomythologism, Mary Stewart.*

Manitskaya Ekaterina Olegovna – Southern Federal University, theory and history of world literature dpt., Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, post-graduate student.

Tel.: +7-928-19-55-654; e-mail: manic_crypt@mail.ru